УДК 159.942.32
ББК Ю92.521.1

Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская,30),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Смех как форма межгрупповых и внутригрупповых отношений

В статье излагается гипотеза о двойственной роли смеха в жизни общества и человека. Автор считает, что сущностью и задачей данного феномена является самосохранение группы, которое смех осуществляет наряду с феноменом праздника. Человеческий смех возник на основе «псевдоагрессивной игры», существующей у многих коллективных животных, в том числе, у обезьян. Смех может быть направлен внутрь группы, а может вовне. Во внутригрупповых отношениях смех проявляется в следующих формах: подтверждение групповых норм и ценностей, маркирование «своих»; санкции к нарушителям внутригрупповых норм; определение границ группы; борьба за место на иерархической лестнице. В межгрупповых отношениях смех проявляется как смех над «чужими» в присутствии только «своих» и как смех над «чужими» в конфликтных ситуациях.

Смех, подтверждающий единство группы, всегда радостный; он основан на коллективной самосуггестии. Во всех остальных проявлениях смеха присутствует элемент агрессии. Особенно агрессивным является смех, возникающий в отношениях между двумя противоборствующими группами.

В статье также анализируется особенность «карнавального» смеха, демонстрирующего отличие принятого поведения от непринятого.

Ключевые слова: смех, внутригрупповые и межгрупповые отношения, юмор, самосохранение, суггестия, контрсуггестия.

Nadezhda Dmitriyevna Subbotina,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Laughter as a Form of Inter-Group and Intra-Group Relations

The article presents the hypothesis of the dual role of laughter in the life of society and man. The author believes that the essence and purpose of this phenomenon is self-preservation group which laugher carries out along with the phenomenon of the holiday. Human laughter grew out of “pseudo aggressive game” existing in many collective animals, including monkeys. Laughter can be directed into the group, and can outside. In intra group relations laughter manifested in the following forms: confirmation of group norms and values, marking “their”; sanctions against violators of intra group norms; delimitation of the group; fighting for a place in the hierarchy. In intergroup relations, laughter appears as laughing at “strangers” in the presence of only “their” and like a laugh over the “strangers” in conflict situations.

Laughter, confirming the unity of the group, always joyful; itbased on a collective self-suggestion. In all other manifestations of laughter there is an element of aggression. Particularly aggressive laughter is occurring between the two opposing groups.

The article also analyzes the characteristics of the “carnival” laughter, showing distinct accepted behavior from uncommitted.

***Keywords*:** laughter, intra and inter-group relationships, humor, self-preservation, suggestion, contrasuggestion.

Феномен смеха, такой привычный для нас с детства, на самом деле – чрезвычайно сложное явление, вызывающее споры исследователей, начиная с Античности. Анри Бергсон писал: «Величайшие мыслители, начиная с Аристотеля, принимались за эту не столь уж трудную задачу, а она всё не поддаётся, вырывается,

© Н. Д. Субботина, 2015

ускользает и снова встаёт как дерзкий вызов, бросаемый философской мысли» [2, с. 10].

При исследовании природы смеха можно выделить ряд основных вопросов: 1) сущность смеха и его основные функции; 2) проблему происхождения смеха; 3) классификацию видов смеха и 4) проблему соотношения смеха и юмора.

Предварительно кратко обозначу свою точку зрения на первую проблему, которую попытаюсь доказать при анализе других обозначенных вопросов. На мой взгляд, сущностью и задачей смеха является самосохранение группы, которое он осуществляет наряду с феноменом праздника. Поэтому основными функциями смеха являются: 1) объединение группы посредством маркирования всех совместно смеющихся как членов одной группы; 2) защита групповых ценностей, правил, а также «наложение санкций» в форме насмешки на тех, кто подвергает сомнению групповые ценности и отступает от правил; 3) определение границ группы посредством осмеяния чужих норм и ценностей.

При решении проблемы происхождения смеха невозможно обойтись без анализа его естественной составляющей. На Западе изучение феномена смеха и юмора очень популярно среди учёных естественных наук. Очень подробный анализ этих исследований представлен в работе А. Г. Козинцева «Человек и смех». Поскольку для обозначенной мною темы в рамках социальной философии важны не подробности этих исследований, а лишь выводы, приведу наиболее важные из них. Учёные выяснили, что, во-первых, смех связан с деятельностью участков мозга, сформировавшихся задолго до возникновения человека; во-вторых, смех вызывает то же удовольствие и эйфорию, что и другие стимулы (красота, деньги, наркотики); в-третьих, «непроизвольный смех полностью контролируется подкоркой и более глубокими структурами мозга»; в-четвёртых, способностью смеяться обладает не только человек, но многие групповые животные и даже крысы [6]. А. Г. Козинцев делает на основе этих исследований совершенно справедливый вывод о древности механизма смеха.

Интересно также то, что «при смехе голосовой аппарат целиком подпадает под контроль автоматической подкорковой поведенческой программы, в результате чего произвольное (корковое) управление им становится невозможным и речь блокируется» [6]. К выводам из этого факта мы вернёмся несколько позднее.

Многие исследователи (не только представители естественных наук, но и психологи, философы) обращают внимание на то, что «реликтовая, в практическом смысле бесполезная мимика – обнажение зубов в гримасах ярости или страдания – закономерно сохраняется и в смехе» [5, с. 26]. Совершенно верно, гримаса смеха произошла из гримасы оскала – предупреждения всем о возможной агрессии. Такой оскал есть и у стайных животных, например, волков, собак и обезьян.

Исследователи говорят о социальной игре – игровой агрессии. «При этой-то игре, а также при игровом преследовании, у обезьян и возникает “протосмех” – так называемая игровая мина (шутливый оскал). Это метакоммуникативный сигнал, означающий, что агрессивное по форме поведение – всего лишь игра, тогда как истинные намерения “агрессора” дружелюбны» [6]. Подобное выражение появляется и у детёнышей многих зверей, обладающих зубами, как приглашение к игре или как ответ на приглашение.

Здесь важное место занимает, казалось бы, незначительная, проблема щекотки. Вероятно, ссылаясь на Дж. Салли (J. Sully) и Г. Е. Вайсфелда (G. E. Weisfeld), А. Г. Козинцев справедливо предполагал, что «жёсткая щекотка» (не просто лёгкое почёсывание, а быстрые прикосновения, иногда тыканье пальцами) представляет собой рудиментарную форму игровой агрессии.

Учёный упоминает о результатах исследования, когда «крысята в ответ на щекотку издают особый ультразвуковой писк. Та же вокализация используется ими и без щекотки, как сигнал готовности к игре, а потому вполне возможно, что она гомологична смеху» [6]. Таким образом, детёныши крыс, обезьян, особенно шимпанзе, и человеческие младенцы одинаково реагируют на щекотку.

Выявлены некоторые закономерности: человек не засмеётся, если попытается пощекотать себя сам, в отличие от обезьян, которые способны смешить щекоткой себя сами. Также необходимо, чтобы и объект, и субъект щекотки были настроены на игру [6]. По мнению Дж. Салли, щекотка есть «разновидность игры, выработан-

ная естественным отбором у агрессивных существ», а смех сигнал несерьёзности борьбы» [6]. А. Г. Козинцев добавляет, что «псевдоагрессивная игра – это тренировка для мира. Её адаптивный смысл состоит в том, что она способствует предотвращению реальных конфликтов и поддержанию целостности группы» [6]. Всё это правильно, но надо учитывать, что есть не только «псевдоагрессивная игра» и смех внутри группы («сосмех»), но и реальная агрессия по отношению к другим и смягчающий её, но всё же по сути агрессивный смех (насмешка, осмеяние других), направленный вовне.

Б. Ф. Поршнев считал высмеивание одной из форм контрсуггестии в первобытном обществе: «Этнография свидетельствует, что соседний род, соседнюю деревню, соседнее племя – высмеивают. Смех, насмешка купируют, обрывают цикл словесной индукции, даже если речь этих соседей вполне понятна, если им не противопоставляется никаких рациональных возражений или упреков» [8, с. 14]. Я думаю, что всё же первичным здесь является не защита от суггестии, а определение границ группы, в которую не входят соседи. Ведь для того чтобы высмеивать, надо иметь основания: найти у соседей то, что «неправильно». А, если обнаружено, что они чужие, следовательно, их надо высмеять, чтобы не поддаться их суггестии.

Проблема происхождения смеха закономерно распадается на проблемы филогенеза и онтогенеза смеха. Говоря о филогенезе смеха, А. Г. Козинцев ссылается на А. Р. Рэдклиффа-Брауна, который исследовал «институционализованные и строго регламентированные “отношения подшучивания”, порой весьма грубые, смягчающие напряжение между некоторыми категориями родственников в ряде традиционных обществ» [6].

Для того чтобы уточнить функции таких отношений, обратимся к самой работе А. Р. Рэдклиффа-Брауна, в которой он констатирует, что «отношения с подшучиванием являют собой любопытную смесь дружественности и антагонизма» [9, с. 108]. А. Р. Рэдклифф-Браун поясняет: «Примеры отношений с подшучиванием между свойственниками можно во множестве найти как в Африке, так и в других частях света. <…> Часто именно такие отношения поддерживаются между мужчиной и братьями и сёстрами его жены» [9, с. 108]. Обращаю внимание читателя прежде всего на то, что эти отношения существуют не внутри семьи, а между породнившимися семьями. Можно предположить, что мы имеем пример сложного взаимоотношения двух групп. Сёстры жены, к примеру, уже не совсем чужие, но всё же относятся к иной семье или клану. Некоторая агрессия в этих отношениях проявляется, чтобы подчеркнуть границы своей группы, но объектам подшучивания не запрещено обижаться для сохранения мира. Поэтому в этих отношениях и сочетаются дружественность и антагонизм.

Обратимся к проблеме онтогенеза юмора. А. В. Дмитриев и А. А. Сычёв, говоря о возникновении смеха, спрашивают: «Что лежит в основе комического[1] – агрессия или удовольствие? Иными словами, вопрос заключается в первичности насмешливого или радостного смеха» [4, с. 6]. Здесь они обнаруживают противоречие: с одной стороны, у смеющегося своим первым смехом ребёнка «удовольствие проявляется в наиболее чистом виде», с другой – доказательством агрессивности смеха является «сама его гримаса, воспроизводящая жест угрозы – искажённое лицо с оскалом» [4, с. 6]. А. С. Обухов также отмечает, что во время игры взрослых с маленькими детьми в виде ложного нападения «забодаю-забодаю» ребёнок испытывает противоречивые чувства: с одной стороны, страх, с другой – смех [7].

Это противоречие легко разрешается, если помнить, что ребёнок своим смехом демонстрирует осознание связи с близкими, а его оскал, как уже отмечалось, – генетически запрограммированная гримаса псевдоагрессии.

То, что дети, начиная с грудного возраста, улыбаются только близким, можно подтвердить интересным экспериментом психологов. О. В. Баженова изучала реакцию грудных детей (от 3,5 до 4,5 месяцев) на появление взрослых. Взрослые по условиям эксперимента не проявляли никакого дружелюбия по отношению к детям. Они просто смотрели на них без улыбки и не разговаривали. Дети же вначале улыбались. Но, как свидетельствует О. В. Баженова, «постепенно количество улыбок, адресованных взрослому, снижается до нуля. Ребёнок, по-видимому, перестаёт получать удовольствие от формального кон-

[1] Следует уточнить, что здесь авторы говорят, по сути, об основе не комического, а смеха.

такта и теряет интерес к нему» [1, с. 39]. На мой взгляд, первоначальная улыбка ребёнка – свидетельство инстинктивного признания взрослого как своего. Не получая ответа на улыбку, ребёнок начинает относиться к нему как к чужому, улыбаться которому нельзя.

Думается, что псевдоагрессивные игры, сопровождающиеся смехом, возникли не случайно – они, по сути, являются разновидностью «жёсткой щекотки», т. е. имеют генетические предпосылки и являются важной ступенью в осознании ребёнком своей групповой принадлежности.

Козинцев приводит примеры, когда «дети года в 4 не только дразнят окружающих, но и адресуют им довольно сильные и ничем не мотивированные ругательства, сопровождая это смехом», и делает вывод: «Подобные игры – прямое продолжение физической псевдоагрессии» [6]. Однако, на мой взгляд, псевдоагрессия у ребёнка проявляется тогда, когда он играет с мамой и другими близкими. Ребёнок не засмеётся, а заплачет, если его попытается пощекотать незнакомый человек. Когда же дети дразнят кого-то, объединяясь в небольшую группу (даже в группу из двух человек), то это уже не псевдо-, а настоящая словесная агрессия. Об агрессивности такого поведения свидетельствует то, что объекты дразнилок обижаются, плачут. Следовательно, игра в «псевдоагрессию» и опыт реальной словесной агрессии – тренировка умения отделять своих от чужих.

И такая агрессия не ограничивается четырьмя годами. Оскорбления, а позже и побои, стали настоящим бичом современной школы. Конечно, они были и раньше, поскольку у них есть естественное начало, но раньше такие факты скрывались от взрослых, и девочки в таких «мероприятиях» участвовали гораздо реже. А в наше время видео издевательств выставляется в Интернете. Создаётся впечатление, что поведение детей движется не в сторону цивилизации, а в сторону варварства.

Теперь кратко остановлюсь на вопросе функций смеха. Из достаточно большого набора функций, перечисляемых исследователями, обращу внимание на выделяемую А. С. Обуховым эмоциональную функцию, которую он делит на две разновидности: агрессивную и идентификационную. По поводу первой сказано уже достаточно, а вторую А. С. Обухов определяет так: «Смех создаёт ситуацию сопричастности, эмоциональной связи людей. Так как смех несёт в себе нормы определённой общности, то смеющийся, так или иначе, отождествляет себя с другими» [7, с. 87]. Отмечу, что и агрессивная, и идентификационная функции служат цели сохранения группы.

Исследователи предлагают различные классификации видов смеха. Остановимся на наиболее популярном разделении, которое в самом общем представлении можно обозначить как естественный и интеллектуальный виды смеха. А. А. Сычёв определяет оппозицию «природа – культура» как основание для деления двух видов смеха: смеха тела и смеха ума [10, с. 81].

Близкую позицию занимает Л. В. Карасёв: говоря «о двух во многом противостоящих друг другу мирах: смехе собственно комическом, то есть смехе, вызванном чувством смешного, и смехе радостном, витальном, телесном, не имеющем с чувством смешного, с остроумием ничего общего. Смешное встаёт против несмешного, хотя смех звучит и в том, и в другом случае. И более того: смешное встаёт против радостного, как нечто отличное от него: внешнее сходство форм выражения тут не должно ввести нас в заблуждение относительно внутренних глубоких различий. <…> Смех ума мы отождествляем со смехом тела, тогда как за этим телесным – формальным – смехом нет ничего кроме памяти о витальной энергии, об энтузиазме размножающегося и играющего тела» [5, с. 19]. Вот с этим я совершенно не согласна. Смех – явление демонстративное, а «размножающееся и играющее тело» у животных и у людей принято демонстрировать иначе.

На мой взгляд, «смех тела» и «смех ума» более связаны между собой; причём объединяющим является именно «смех тела», который Л. В. Карасёв называет «неподлинным». Смех всегда естественен. Он всегда является «смехом тела». Он всегда физиологичен. Повод для смеха может быть разным, но это всегда маркировка на «наших» и «не наших». Если поводом является любое существенное отличие других во внешности, одежде и поступках тех, над которыми смеются, то в таком смехе сильно естественное начало присутствует не только в форме, но и в содержании. И в комическом смехе есть общее с «телесным» – он объединяет всех людей, которые понимают комичность ситуации. Таким образом,

смех служит одновременно и объединению людей, и разграничению их на противостоящие группы. Комичным воспринимается то, что кажется «неправильным». Если поводом для смеха служит юмор – высказывание, понять смысл которого могут только люди, обладающие достаточным интеллектом, то такой смех, содержащий большую долю социального, можно назвать «смехом ума». Поэтому смех ума одновременно является и смехом тела. Не только потому, что «смеётся тело», но и потому, что всякий смех является инстинктивным средством самосохранения группы и удовлетворяет инстинктивную потребность человека в принадлежности к группе. Смех же тела может быть смехом ума только в том случае, если он является следствием остроты, т. е. связан с юмором.

Возможно, одна из причин разногласий в понимании смеха заключается в том, что исследователи не учитывают ещё одного деления смеха. Смех может быть направлен внутрь группы, а может – вовне. Именно, когда смех направлен на представителей другой группы, или на группу в целом, оказывается верной теория превосходства Т. Гоббса, в которой он утверждал, что причиной смеха являются недостатки или уродства других людей, что возвышает смеющихся в собственных глазах [3, с. 43–44]. Правда, такой вид смеха существует и внутри группы в ситуации, когда идёт борьба за место на иерархической лестнице и в процессе издевательств над изгоями в группах с жёсткой иерархией. Но и здесь присутствуют группы, только «меньшего порядка». В борьбе за высокий статус смеющийся оскорбительным смехом объединяет себя со всеми, кто стоит на привлекательной для него ступени и выше. Изгои же, с одной стороны, всегда являются «кандидатами на вылет», с другой – они нужны, т. к. в отношении к ним демонстрируется граница группы, подтверждаются нормы группового поведения.

Как и Т. Гоббс, Зигмунд Фрейд признавал негативную роль смеха. Он связывал его с остроумием, остротой: «Острота позволяет нам использовать в нашем враге всё то смешное, которого мы не смеем отметить вслух или сознательно» [11, с. 101]. По мнению З. Фрейда, тенденциозная острота – следствие вытеснения в подсознание агрессивной формы удовлетворения половой потребности. «Благодаря вытесняющей работе культуры оказываются потерянными первичные, но отвергнутые нашей цензурой, возможности наслаждения <…> тенденциозная острота возвращает средство упразднить отречение, вновь получить потерянное» [11, с. 99]. По словам З. Фрейда, «сальность первоначально направлена на женщину и должна быть приравнена к попытке совращения. <…> Кто смеётся над слышанной сальностью, тот смеётся как очевидец сексуальной агрессивности» [11, с. 95].

В описанной з. Фрейдом ситуации группа смеющихся свидетелей «сальных» анекдотов и реплик в отношении женщин своим смехом подтверждают, что все они принадлежат к одной, «более высокой» группе мужчин. Так и над мужчинами могут смеяться женщины. Группой, осмеивающей представителей других объединений, может быть коллектив людей, принадлежащих к одному этносу, возрасту, являющихся болельщиками одной команды, т. е. объединённой по абсолютно различным основаниям.

Такой вывод вытекает и из работы З. Фрейда, где он подробно описывал участников ситуации с «тенденциозной остротой». Но прежде надо вспомнить, что уже Цицерон отмечал, что остроумное высказывание предрасполагает зрителя или слушателя, стоящего на стороне выступающего, который критикует противника [12, с. 58]. По словам З. Фрейда, тенденциозная острота предполагает наличие трёх людей: автора остроты, объекта насмешки и третьего, «на котором достигается цель остроты, извлечение удовольствия» [11, с. 97–98]. На мой взгляд, удовольствие от остроты человек получает не от созерцания агрессивности, а от ощущения групповой связи с автором насмешки и того, что объект колкости заведомо хуже. Предполагается также, что объект остроты принадлежит к другой, худшей группе, либо является изгоем своей группы. В обоих случаях такая «тенденциозная острота» является социальной ритуализированной агрессией.

А. Бергсон утверждал, что в смехе всегда есть «скрытое намерение унизить и тем самым, правда, исправить, по крайней мере, внешне» [2, с. 86].

Да, с помощью смеха можно унизить. Делается это в следующих случаях. Во-первых, с помощью смеха унижают представителя или представителей другой группы, с которой смеющиеся находятся во враждебных отношениях. Во-вторых, во многих груп-

пах принято унижать тех, кто находится на самом низу иерархической лестницы, изгоев. Унижающий делает это для регулярного подтверждения своего более высокого статуса. В-третьих, унизить могут тех членов своей группы, которые словами или делами подрывают авторитет лидера или опровергают господствующие в ней представления. В-четвёртых, с помощью унижения соперников может идти внутри группы борьба за лидерство, за место на вершине «лестницы», рядом с лидером, или за более высокую ступень на иерархической лестнице.

Всё это показывает, на мой взгляд, ошибочность утверждения А. Г. Козинцева: «Наиболее чужда сущности смеха распространенная идея о том, что он по природе якобы связан со злом, насилием, осуждением и враждой. Эта идея глубоко укоренена и в обыденном сознании (отсюда понятия “насмешка”, “осмеяние”, “посмешище”), и в теориях смеха» [6]. Человеческий язык называет вещи своими именами. И если бы не было насмешки, осмеяния, посмешища, то и слов таких не было бы. Надо только помнить, что помимо негативного смеха есть и позитивный.

Нельзя обойти вопрос о специфической форме смеха, «карнавальном смехе». Понимая эту форму смеха более широко и включая в неё смех во время так называемых «Праздников дураков», смех над шутами, юродивыми, можно сказать, что это смех, возникающий при демонстрации неправильного поведения. Широко распространена точка зрения, что в этом смехе проявляется критика существующего мира. Мне же представляется, что здесь как раз проявляется защита признанных норм и ценностей. Демонстративно выворачивая наизнанку одежду, объявляя шута королём, заводя осла в храм и осмеивая всё это, люди своим смехом констатировали, что это неправильное поведение, что всё это «лежит за границами их группы», оно может проявляться только у «чужих». Шуты и юродивые практически добровольно дополняют здесь функцию изгоев, определяющих границу группы. При этом изгои «подходят» к границе изнутри группы. А шуты и юродивые делают вид, что уже перешли эту границу[1].

[1] Более подробно о специфике карнавальных праздников и в целом о роли праздников в самосохранении группы см.: Субботина Н. Д. Официальный и карнавальный – два типа или две стороны праздника // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42).

Очень кратко остановлюсь на вопросе о соотношении смеха и юмора. Это необходимо потому, что во многих работах эти феномены отождествляются. Однако смех – естественный феномен, приобретший в ходе эволюции социальное содержание, возникающий в ряде случаев вследствие юмора. Юмор – чисто социальное явление. Абсолютно согласна с А. Г. Козинцевым в том, что «разгадка юмора заключена в разгадке смеха, а не наоборот. <…> И в филогенезе, как и в онтогенезе, смех появляется гораздо раньше юмора» [6]. Юмор не всегда вызывает смех. А. Г. Козинцев, ссылаясь на Дж. Хэй (J. Hay), пишет: «Находясь в одиночестве, люди могут оценивать какие-то стимулы как весьма смешные, но при этом не смеяться. То же и в разговоре: высказывания, отвечающие всем “научным” критериям юмора, сплошь и рядом не вызывают смеха, хотя, судя по косвенным признакам, собеседники понимают такие высказывания и ценят их» [6]. Выше я отмечала, что юмор вызывает смех в случае, когда смеющиеся мысленно объединяются против тех, чей интеллект они считают более слабым. Именно поэтому часто смеются не только над шуткой, но и над теми, кто эту шутку не понимает.

А. Г. Козинцев считает, что «после возникновения человека смех превратился в знак коллективной негативистской игры, направленной <…> против двух фундаментальных человеческих новоприобретений. Во-первых, против речи, как радикально новой системы коммуникации, не имеющей параллелей в животном мире и, вероятно, вызвавшей на первых порах нечто вроде информационного шока. <…> Во-вторых, против культуры – свода обременительных правил и запретов, автоматически порождаемых речью» [6]. Я же считаю, что не против культуры, а за культуру: показывая смехом, что они понимают неправильность своего поведения, люди с детского возраста крепче усваивают, как правильно. Что касается того, что во время смеха блокируется речь, то это можно объяснить физиологическими особенностями человека: он может или говорить, или смеяться. А поскольку наступают моменты, когда смех более важен, то он смеётся. Речь же человека – настолько ценное приобретение человека, улучшающая качество его отношений, что нет смысла отвергать её.

Таким образом, смех является формой внутригрупповых и межгрупповых отношений.

Во внутригрупповых отношениях смех проявляется как:

1) маркирование «своих» (псевдоагрессивные игры с детьми, смех при напоминании о нелепых случаях со «своими», просмотров комедий и пр.);

2) подтверждение групповых норм и ценностей, санкции к нарушителям внутригрупповых норм (насмешка);

3) определение границ группы (унижающий смех над изгоями);

4) борьба за место на иерархической лестнице (смех над конкурентами в данной борьбе). Данную форму смеха можно рассматривать и как межгрупповую, т. к. в этой борьбе появляются (чаще всего на небольшое время) группы внутри большей группы.

Первая из перечисленных форм характеризуется высокой степенью коллективной самосуггестии. И только эту форму можно характеризовать как исключительно радостный смех, во всех остальных есть элемент агрессии.

В межгрупповых отношениях смех проявляется как:

1) смех над чужими в присутствии только своих (смех при прослушивании негативной информации про чужих; сюда можно отнести скабрезности, анекдоты про «блондинок», про те черты, которые смеющиеся считают неправильными у представителей других этносов, и пр.);

2) агрессивный смех над чужими в конфликтных ситуациях. Такая форма смеха отличается высокой степенью контрсуггестии.

При всём этом деление на внутригрупповые и межгрупповые формы и функции смеха является относительным. Особенно это касается «карнавального» смеха. Данная форма смеха, строго ограниченная, напоминает о том, какие нормы являются «неправильными». Участники своим смехом подтверждают, что понимают «неправильность» демонстрируемых норм и согласны со строгим запретом такого поведения вне карнавала.

И смех, ориентированный внутрь группы, и смех, направленный вовне, объединяет: его главная цель – самосохранение группы.

Список литературы

1. Баженова О. В. Экспериментальное исследование отношения младенцев к общению с взрослыми в норме и патологии // Проблемы медицинской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 38–46.

2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.

3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 736 с.

4. Дмитриев А. В., Сычёв А. А. Смех: социофилософский анализ. М.: Альфа, 2005. 592 с.

5. Карасёв Л. В. Философия смеха. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1996. 224 с.

6. Козинцев А. Г. Человек и смех. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm (дата обращения: 14.03.2015).

7. Обухов А. С. Смех и личность // Развитие личности. М. 1998. № 3–4. С. 83–101.

8. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история. (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 7–35.

9. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / пер. с англ. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 304 с. (Этнограф. б-ка).

10. Сычев А. А. Природа смеха, или Философия комического / науч. ред. Р. И. Александрова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.

11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Страх. Тотем и табу: сб. / пер. с нем. Я. М. Когана, М. В. Вульфа. Минск: Попурри, 1998. 496 с.

12. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Ладомир, 1994. 475 с.

References

1. Bazhenova O. V. Eksperimental'noe issledovanie otnosheniya mladentsev k obshcheniyu s vzroslymi v norme i patologii // Problemy meditsinskoi psikhologii. M.: Izd-vo MGU, 1980. S. 38–46.

2. Bergson A. Smekh. M.: Iskusstvo, 1992. 127 s.

3. Gobbs T. Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // Sochineniya: v 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1991. 736 s.

4. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Smekh: sotsiofilosofskii analiz. M.: Al'fa, 2005. 592 s.

5. Karasev L. V. Filosofiya smekha. M.: Ros. gos. gum. un-t, 1996. 224 s.

6. Kozintsev A. G. Chelovek i smekh. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2007 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http: http://krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm (data obrashcheniya: 14.03.2015).

7. Obukhov A. S. Smekh i lichnost' // Razvitie lichnosti. M. 1998. № 3–4. S. 83–101.

8. Porshnev B. F. Kontrsuggestiya i istoriya. (Elementarnoe sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsiya v razvitii chelovechestva) // Istoriya i psikhologiya. M.: Nauka, 1971. S. 7–35.

9. Redkliff-Braun A. R. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve: ocherki i lektsii / per. s angl. M.: Vost. lit. RAN, 2001. 304 s. (Etnograf. b-ka).

10. Sychev A. A. Priroda smekha, ili Filosofiya komicheskogo / nauch. red. R. I. Aleksandrova. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2003. 176 s.

11. Freid Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu. Strakh. Totem i tabu: sb. / per. s nem. Ya. M. Kogana, M. V. Vul'fa. Minsk: Popurri, 1998. 496 s.

12. Tsitseron M. T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve / per. s lat. F. A. Petrovskogo, I. P. Strel'nikovoi, M. L. Gasparova; pod red. M. L. Gasparova. M.: Ladomir, 1994. 475 s.

Статья поступила в редакцию 23.03.2015